

Очень скандала хочется!

Удар был. Виновник уволен. МХАТ устоит

Валерий КИЧИН, «Известия»

Похоже, кое-кто из коллег по журналистике снова обрадовался: в искусстве, как везде, — пьют и быют. Весело в искусстве — как на барахолке.

На самом деле грустно: общий фон и тон российской жизни, вечно располагающий к беспределу, всегда выражался в жизни искусства трагически остро. И хорошо бы — в самом искусстве. Но ведь главным образом — в закулисе. Пьяные трагики из пьес Островского были на Руси всегда, и всегда под их пьянством была как бы социальная основа — они протестовали против собственной нищеты и униженности. История повторяется уже как анекдот: вполне преуспевающий режиссер, вполне популярный актер, вполне известный участник светских тусовок, разбежавшись, беспричинно ударил ногою в пах члену собственного творческого коллектива.

Случилось это в канун юбилея МХАТа, на очередном театральном совете, правда, не так драматургически эффектно, как это описано в первых газетных репортажах. Не на самом совете, как можно заподозрить, а в фойе, в присутствии немногих, но — случилось. Не слишком трезвый Михаил Ефремов совершил акт агрессии против заместителя директора по финансовым вопросам Алексея Комарова. Через два часа виновник, хоть он и сын знаменитого актера и режиссера Олега Николаевича Ефремова, был из театра уволен.

Что это было? Конечно, не меньше, чем «начало раскола»?

Очень соблазнительно сделать вывод, что МХАТ накануне своего юбилея приковывает внимание не только творческими успехами, но и очевидным неблагополучием. Что якобы вновь грозит перестройка, вновь тревожные слухи раскаляют труп. Со стороны это не совсем понятно: театр давно вышел из застоя, его премьеры могут вызывать разные отклики, но в любом случае они на авансцене театрального процесса, они заметны и привлекают толпы зрителей. Сегодня это театр, верный традициям, но живой, способный и побеждать, и ошибаться. Любое радикальное обновление разрушило бы имидж, сработанный не

без ума и таланта и ставший своего рода гарантом преемственности лучших традиций русского театра.

Но успокоимся, никакая ломка МХАТу явно не грозит. На злополучном совете никто не делал сколько-нибудь зловещих и тем более «шокирующих» заявлений. Контрактная система в театре существует давно, но и теперь уволить по ней кого бы то ни было крайне затруднительно — хотя процесс обновления труппы для любого театра, при всей болезненности, — вопрос жизни и смерти. Олег Ефремов в своем выступлении говорил о возвращении к принципам театрального Товарищества и в том надеялся на помощь коллег. Шел нормальный творческий разговор, и случившееся потом в фойе ни имело к театральному процессу ровно никакого отношения.

Просто Михаил Ефремов, как уж повелось в новых тусовках, был не в себе. Он пришел необъяснимо агрессивным и под каким воздействием в тот миг находился, алкоголя или чего похуже, выяснять неинтересно и не нужно. Это проблема не театра, а современных тусовок с «кризисом среднего возраста». Их вполне благополучные участники, как те старые трагики из Островского, ширяются как бы с горя, оттого, что им отчего-то не хватает места под солнцем. Дети становятся необъяснимо агрессивны к отцам — но это не сенсация, а психологическая проблема общества.

Что касается МХАТа, то не случайно над ним витают тени легендарных мхатовских «стариков». Это театр, где смена поколений — процесс особенно тонкий, МХАТу незачем молодиться, это театр старый, тем и хорош. Театрального эпатажа сегодня предостаточно, поспешать за этой модой — себе дороже, потому что в поисках умного консерватизма и гарантированного мастерства спешить все-таки в Камергерский переулок. Здесь к тебе возвращается столь дефицитное ныне чувство культурной стабильности, которое ничего общего не имеет с культурным застоєм.

Скандалы же идут не из-за кулис. Когда-то Станиславский, остро реагируя на очередную газетную шумиху, назвал это «зловонной окисью».